

СОЧЕЛЬНИК 1932 ГОДА

*Тевсе**

Пытаясь согреться, Саверио Армандонада просунул руки под стоявший у него на коленях жестяной судок с обедом. Трамвай отъехал от остановки на Честер-стрит и направился к заводу «Ривер Руж».

Неделю назад мать связала Саверио на шестнадцатилетие коричневые шерстяные перчатки. У перчаток не было подкладки, и лежавшему на дне судка горячему, только что из печи, пирожку в тряпице предстояло греть пальцы. Пока Саверио не сядет в открытый грузовик, развозящий рабочих по цехам.

Трамвай грохотал в синеватой предрассветной мгле по заснеженным улицам Южного Детройта. То и дело он останавливался, подбирая новых пассажиров, пока все вагоны под завязку не заполнились мужчинами, создававшими автомобили для Генри Форда.

По утрам в трамвае пахло чистотой — борным порошком, кастильским мылом, хлорным отбеливателем. Джинсы, фланелевые рубашки, белье, носки, парусиновые комбинезоны и рабочие фартуки мужчин были отстираны и отутюжены либо дома матерями и женами, либо прачками в общежитии. А на обратном пути в вагонах уже разило как в раздевалке.

Утром пассажиры ехали серьезные, как на литургию, а вот вечером, после десятичасовой смены, вагоны звенели весельем, смех и шутки пробивались сквозь висевший в воздухе густой дым от самокруток и пятицентовых сигар.

Хотя Саверио сравнительно недавно работал на заводе Форда, однако, проведя на конвейере неполный год, он уже начал

* Бурно, дико, неистово (*ит. муз.*).

кое в чем разбираться. Например, он мог отличить кафельщиков от сталерезов, кладовщиков от рудокопов, докеров от электриков. Кочегаров, заправлявших коксовые печи, выдавали согнутые спины; ладони с вьезшейся черной металлической стружкой — инструментальщиков, а ремесло стеклодувов навеки отпечатывалось на их лицах: резиновый ободок защитных очков оставлял на лбу глубокую морщину. За свою жизнь Саверио успел насмотреться на этот отличительный знак: Леоне, его отец, работал стеклодувом на заводе «Ривер Руж» с 1915 года.

Но Саверио умел не просто определить по виду, кто чем занимается, — он знал, на какой работе специализируется каждая национальность. Немецкие иммигранты собирали моторы, а югославы их устанавливали. Итальянцы склонялись к столлярному делу, работе со стеклом и, вместе с чехами, к инструментам и штампам. Поляки отвечали за формовку стали, загрузку горнов и любую работу с огнем. Албанцы трудились у коксовых печей, венгры грузили тяжести и обслуживали конвейеры и мосты. Ирландцы были специалистами по установке электропроводок, коробок передач и радиаторов. Шотландцы виртуозно приделывали петли, паяли и подрезали.

Обивка, настилы и подножки были в ведении финнов, норвежцев и шведов; речными доками, в том числе отгрузкой и доставкой товаров, а также спуском судов, заправляли греки. Турки и ливанцы шили матерчатые тенты и мелкие детали внутреннего убранства. Местные чернокожие, жившие в самом сердце города, трудились на цианидной плавильне, а еще управляли железной дорогой на территории завода и чинили ее при надобности. Это была обширная система, одних только паровозов шестнадцать штук, а рельсов в общей сложности сто миль. Поезда прибывали, груженные углем и железной рудой для производства стали, и уходили, увозя на продажу по всему миру изготовленные на заводе автомобили.

А руководили всем американцы из семейств английского происхождения, некогда прибывших на «Мейфлауэр»*. Рабо-

* «Мейфлауэр» — английское судно, на котором англичане, основавшие одно из первых поселений в Северной Америке, в 1620 году пересекли Атлантический океан. Впоследствии потомки этих первых колонистов позиционировались как своеобразная американская аристократия. — *Здесь и далее примеч. перев.*

чие с конвейера называли их «студентами» независимо от того, сколько десятков лет начальство уже не ступало ногой в университет. Сто тысяч мужчин ежедневно входили в ворота завода «Ривер Руж»: рабочие — шесть дней в неделю, начальство — пять.

Вот и сейчас ворота раздвинулись, пропуская набитый рабочими головной трамвай, в котором сидели Леоне с Саверио. Следом потянулись остальные части каравана. Под пронзительный звук свистка двери вагонов раскрылись перед перроном. Мужчины вылились потоком, поспешно пересекли перрон и полезли в грузовики с открытыми кузовами, которым предстояло развезти их по местам.

Леоне последним запрыгнул в уже переполненный кузов. У отца Саверио были мощные плечи отделочника, а силищи хватало, чтобы самостоятельно поднять кабину автомобиля. Он обернулся, выдудил сына из толпы и опустил его рядом с собой, будто мешок яблок.

— Подождете, — отмахнулся Леоне от оставшихся на перроне, задвинул решетку и запер задвижку на борту кузова, загораживая путь новым пассажирам.

Народ заворчал, но никто не осмелился прямо возражать этому силачу.

Саверио стало неловко, что отец так явно отдал ему предпочтение, пропустив впереди других. Ведь как только человек доезжал до своего цеха и компостировал пропуск, начинался отсчет рабочего времени, которое мистер Форд обязан был оплатить. Ценилась каждая минута.

Неторопливо ехавший к заводу грузовик внезапно попал в выбоину, и пассажиров тряхнуло. Саверио ухватился за решетку, чтобы не упасть. Он не очень-то свободно чувствовал себя на заводе. Порой ему приходилось трудно — везде царило соперничество, за все приходилось бороться, тяжелая нагрузка никогда не становилась легче. Ему было неуютно в толпах и казалось неловко толкаться, чтобы встать на место получше и воспользоваться случаем впереди кого-то другого. Привыкнет ли он к этому когда-нибудь? Он не любил, не умел быть частью стаи.

Порывы ледяного ветра подули с реки и закружились вокруг грузовика. Пошел снег. Саверио поднял голову, разглядывая

густые белые облака, между которыми проталкивалось на горизонте восходящее ярко-красное солнце. Игравшие на небе цвета напомнили ему сладкую *ciambella*, пышную итальянскую выпечку, залитую свежей мичиганской черешней в сладком сиропе, и он затосковал по теплым летним денькам.

Грузовик остановился у погрузочной площадки стекольного цеха, и работавшие там люди начали выходить. Порывшись в своем судке, Леоне вынул уложенный женой сверток с мелким имбирным печеньем, переложил его в судок сына и выпрыгнул из кузова. Леоне не попрощался со своим единственным ребенком, а сын не пожелал отцу хорошего дня.

Саверио проследил взглядом за фигурой отца, скрывшейся за дверями цеха. Отец помахивал жестяным судком, как фо-нарем. Этот беззаботный жест показался его сыну неожиданным — он редко видел отца таким.

К середине утра снег пошел густо, по-настоящему, хоть и мгновенно таял, растекаясь серебристыми струйками по стеклянной крыше цеха, горячей от работавшей под ней электрической аппаратуры. Под этим белым стеклянным потолком все, происходившее на конвейере, было видно до мельчайших подробностей. Саверио быстро промокнул лоб красным платком — его выгладила и положила ему в карман мать.

Юноша стоял у конвейера. Чтобы выполнить свою работу, ему не требовалось ни наклоняться, ни поворачиваться, ни сгибать спину, ни поднимать плечи. Ровно на уровне пояса перед ним проехал «форд V-8» модели 1932 года, и он приладил ручку на дверь водителя.

Не оставалось времени любоваться автомобилем, а жаль, тот был просто загляденье. Темно-синий кузов из мичиганской стали, салон обит черной кожей, пуговицы на изогнутых сиденьях обтянуты тем же материалом — все это представлялось Саверио вершиной шика. Он вообразил себя за рулем, в шляпе-хомбурге и пальто-дипломате, а рядом сидит любимая девушка, и он везет ее по лесам Гросс-Пойнта.

Инструмент Саверио, гаечный ключ особой модели, разработанной на заводе Форда, был отлично сбалансирован по весу. Ручку обтянули резиной, а зажим зафиксировали точно по размеру болта. Беспалая перчатка на правой руке позволяла Са-

верю точно управлять инструментом. За размещение болта и шайбы отвечал предыдущий в очереди рабочий конвейера. Мальчику оставалось приставить гаечный ключ к болту и одним плавным движением крутануть ключ до упора, до беззвучного щелчка, — это значило, что болт надежно закреплен. Едва сняв гаечный ключ с одного прикрученного болта, Саверио был готов захватить им следующий — так оно и шло, болт за болтом, минута за минутой, час за часом, девятьсот семьдесят восемь автомобилей за день, десять часов в день, шесть дней в неделю.

Теперь эта операция казалась ему простой, но поначалу конвейер вселял ужас. Саверио помнил, как втайне ликовал в свою первую рабочую неделю, когда поток останавливался, — новая работа казалась ему непомерно сложной, и он был уверен, что не справится с заданной скоростью. Рабочие насмехались над теми, кто допускал ошибку, не давали им проходу своими шуточками. Однако вскоре благодаря упорству и усердию он овладел техникой гаечного ключа, и сейчас неполадки на конвейере только раздражали его, как и любые другие причины, по которым процесс мог встать. Он пришел сюда работать и собирался трудиться на совесть.

Рабочие с конвейера обедали в комнате для отдыха, где стояли ряды обшитых алюминием деревянных столов. Саверио втиснулся с краю скамьи рядом с отделочниками. Всегда было приятно посидеть во время получасового перерыва. Он выложил перед собой содержимое жестяного судка: увесистый пирожок, имбирное печенье, термос с яблочным соком и, вот неожиданность, теплую треугольную слойку с яблоками.

Саверио откусил от пирожка. Под тонкой корочкой обнаружилась сытная начинка — тушенная до мягкости, мелко нарезанная говяжья вырезка, полукольца томленного в сливочном масле лука, кубики моркови и толченый картофель. Он медленно пережевывал выпечку, наслаждаясь стряпней матери, — он был голоден и знал, что если есть быстро, толком не насытишься.

Потягивая теплый яблочный сок, он наблюдал за группой мужчин вокруг расположившегося за соседним столом